ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИИ

Познание и переживание. 2024. Т. 5. № 3. С. 7–28. ISSN: 2782-2168 (Print)
doi: 10.51217/cogexp_2024_05_03_01 ISSN: 2782-2176 (Online)

ФИЛОСОФСКИЕ КОРНИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

С.Л. РУБИНШТЕЙН

18 июня 2024 года исполнилось 135 лет со дня рождения Сергея Леонидовича Рубинштейна. В память о выдающимся теоретике и методологе психологической науки редколлегия журнала публикует его статью (впервые опубликованную в журнале «Ученые записки педагогического института им. А.И. Герцена», том XXXIV, 1940), посвященную природе кризиса мировой психологической науки. Работа раскрывает сложную совокупность обстоятельств, вызвавших перелом или переходное состояние в психологии на рубеже XIX–XX вв., и связанные с этим стремления к её изменениям. Это причины разного порядка и уровня, действующие как в направлении прогресса – становления психологии самостоятельной наукой, так и ее регресса – сдерживания развития. Это зависимость состояния психологии от изменения мировоззренческих эпох и, особенно, критических переломных моментов в жизни обществ, в частности, таких как Великая социалистическая революция. Узел противоречий в становлении психологии связывается с ее философскими корнями, идущими еще от Аристотеля, Платона, Декарта, с одной стороны, влиянием естественно-научного познания, с другой, с ее стремлением к самоопределению и фактическими – эмпирическими и институциональными достижениями на этом пути, с третьей. Воссоздается масштабная архитектоника противоречивых, взаимодействующих тенденций – в историческом времени, в трансконтинентальном пространстве – Россия, Западная Европа, США, в персональном воплощении (более 85 имен) и значимых событиях. В качестве центральных причин кризиса выделяется непреодолимость дуализма – противостояния ограниченного материализма и замкнутого в себе, и потому тупикового, идеализма.

Метод анализа и ключевые идеи статьи легли в основу подготовленной в 1946 году, но так и неизданной монографии С.Л. Рубинштейна «Философские корни психологии». Данный образец исследования противоречивого развития психологической науки, к сожалению, не был воспроизведен в новом веке тысячелетия, хотя бы относительно отечественной психологии сложнейшего XX столетия. Потребность в реалистической оценке достижений и утрат психологии в противоречиях нового тысячелетия сохраняется.

Ключевые слова: кризис мировой психологии, философские и методологические основы психологической науки, экспериментальный метод в психологии

Для цитаты: *Рубинштейн С.Л.* Философские корни экспериментальной психологии // Познание и переживание. 2024. – Т. 5., № 3. – С. 7-28. doi: 10.51217/cogexp_2024_05_03_01

THE PHILOSOPHICAL ROOTS OF EXPERIMENTAL PSYCHOLOGY

SERGEY L. RUBINSTEIN

On June 18, 2024, it was the 135th anniversary of the birth of Sergei Leonidovich Rubinstein. In memory of the outstanding theorist and methodologist of psychological science, the editorial board of the journal publishes his article (first published in the journal «Scientific Notes of the A.I. Herzen Pedagogical Institute», vol. XXXX, 1940) on the nature of the crisis of world psychological science. The work reveals a complex set of circumstances that caused a fracture, or a transitional state in psychology at the turn of the XIX-XX centuries, and the associated aspirations for its changes. These are causes of different order and level, acting both in the direction of progress – the formation of psychology as an independent science, and its regression – the containment of development. This is the dependence of the state of psychology on changes in worldview epochs and, especially, critical turning points in the life of societies, in particular, such as the Great Socialist Revolution. The knot of contradictions in the formation of psychology is associated with its philosophical roots, going back to Aristotle, Plato, Descartes, on the one hand, the influence of natural scientific knowledge, on the other, with its desire for self-determination and factual – empirical and institutional achievements along this path, on the third. Recreated the large–scale architectonics of contradictory, interacting trends – in historical time, in transcontinental space – Russia, Western Europe, the USA, in personal embodiment (more than 85 names) and significant events. As the central causes of the crisis, the insurmountability of dualism stands out – the confrontation between limited materialism and self-contained, and therefore dead-end, idealism.
The method of analysis and the key ideas of the article formed the basis of S.L. Rubinstein's monograph «Philosophical Roots of Psychology», prepared in 1946, but never published. Unfortunately, this sample of the study of the contradictory development of psychological science was not reproduced in the new century of the millennium, at least relative to the domestic psychology of the most difficult XX century. The need for a realistic assessment of the achievements and losses of psychology in the contradictions of the new millennium persists.

Keywords: crisis of world psychology, philosophical and methodological foundations of psychological science, experimental method in psychology

For citation: *Rubinstein S. L.* The philosophical roots of experimental psychology // Poznanie i perezhivanie [Cognition and Experience]. 2024. – V. 5, № 3. – P. 7–28. doi: 10.51217/cogexp_2024_05_03_01 (in Russ.).

История психологии и формирования ее как самостоятельной науки не получила еще в мировой психологической литературе адекватного освещения. По вопросу о путях исторического развития психологии по сегодняшний день сплошь и рядом господствуют в корне порочные взгляды. Так, согласно очень распространенному представлению, господствующему в традиционной схеме

истории психологии, история философских учений о психике начинается с оторванных от практики «метафизических» умозрений, связанных с религиозными представлениями. В действительности же, как свидетельствует подлинная история науки, уже ранние представления древних греческих философов возникают в тесной связи с накоплением древними натурфилософами и врачами реальных знаний и развиваются они в борьбе зарождающейся научной мысли против религии с ее мифологическими представлениями о мире вообще и о душе в частности.

Далее, в характеристике основных этапов истории психологии, значит и в определении того, что является основной, стержневой противоположностью в борьбе и смене различных течений, по сегодняшний день и в советской психологии прочно держится схема, в основу которой кладется противоположность «метафизической» и «эмпирической» психологии. Эта схема, совершенно очевидно, исходит из кантианских идей, противопоставляя эмпирическое, опытное изучение психических явлений метафизическому, умозрительному познанию сущности души. В действительности самое это противопоставление является антидиалектичным и в этом смысле метафизичным. Поворот от умозрительных рассуждений о душе к опытному изучению психических явлений, подготовленный эмпирической психологией, был, бесспорно, вообще прогрессивным фактом в истории науки, но нужно учитывать, во-первых, что все действительно значимые концепции о «душе», которые создала философская мысль, были, в конечном счете, связаны с более или менее широким обобщением знаний о психических явлениях, накопленных человечеством, и, во-вторых, что попытка изучать явления, противопоставленные сущности, оторванно от познания существенного в них неизбежно должна возродить, и фактически неоднократно возрождала, метафизику в недрах самой эмпирической науки.

Основной философской, методологической противоположностью в истории психологии, как и философии, является противоположность материализма и идеализма (с которой сочетается противоположность диалектики и метафизики и в качестве вторичного гносеологического момента – противоположность эмпиризма и рационализма).

Борьба материализма и идеализма в истории каждой науки, и психологии в том числе, приобретает на различных этапах разное содержание в зависимости от изменяющегося фактического содержания науки. Вместе с тем борьба философских, идеологических направлений в науке отражает, в конечном счете, – хотя, само собой разумеется, не непосредственно, не прямо, не зеркально – реальную общественную борьбу. Поэтому периодизация истории науки должна, в конечном счете, исходить не из абстрактных противопоставлений метафизического и эмпирического и т.п., а из периодизации общественно-исторического процесса в целом, с тем чтобы внутри этой общей исторической схемы выделить этапы, отмеченные существенными событиями в истории самой науки, в ходе научного исследования.

Ложные традиции, которые довлеют над господствующими в историографии психологии представлениями, распространяются и на вопрос о формировании психологии как самостоятельной науки. С одной стороны, история пси-

хологии безостаточно растворяется в истории идеалистической философии; выделение психологии как самостоятельной научной дисциплины, вооруженной собственной специфической методикой научного исследования, ошибочно трактуется как какой-то малозначительный эпизод в ее истории (М. Дессуар). С другой стороны, очень акцентируется значение экспериментальной психологии, подчеркивается связь психологии с физиологией и естествознанием (Э. Боринг), но философские ее основы и корни получают неадекватное освещение. При этом иногда обратно проблема становления психологической науки сводится целиком только к вопросу о методике исследования и специальных естественно-научных ее предпосылках, с явной недооценкой роли философских, методологических основ в становлении подлинной науки. Дело изображается так, будто психология начала существовать с того времени, как Вундт создал свою лабораторию. Вся предшествующая история философско-психологической мысли представляется лишь малозначительной прелюдией к этому событию. Те ученые, которые, как Фехнер и особенно Вундт, разработали на базе специальных физиологических исследований методику психофизиологического исследования и оформили психологию (физиологическую) как экспериментальную дисциплину, представляются основоположниками психологии, определявшими ее основы в целом. В результате получается необъяснимый парадокс: эклектики и эпигоны в философии, философские концепции которых являются показательным проявлением начинающегося упадка теоретической мысли, представляются не только учеными, которые, опираясь на полученное ими философское наследие и достижения физиологии, оформили психологию как определенную научную дисциплину, но и как ее вдохновители, как основоположники, у которых надо искать ее истоки. В то время как для нового математического естествознания, для математики, механики и т.д. в качестве основоположников выступают такие мыслители, как Декарт, Лейбниц и т.п., родословная психологии как науки будто бы исходит только от этих эпигонов и, собственно, лишена всякого подлинного философского содержания и методологических основ. В действительности оформление психологии как самостоятельной научной дисциплины, вооруженной методом экспериментального исследования, выкованным первоначально в физиологическом исследовании органов чувств, было большим событием в истории психологии, но источники его, как мы увидим, нужно частично искать далеко за пределами тех лабораторий, в которых эти исследования производились.

Так одна ошибочная концепция, неспособная объяснить действительную судьбу психологии, нагромождается на другую. В задачу настоящей небольшой статьи, конечно, не может входить и не входит преодоление всех этих ошибочных представлений и построение истории формирования психологии как науки в ее конкретной фактичности. Ее задача несравненно более узкая и скромная; она заключается в том, чтобы, откинув господствующие в этой области порочные традиции, наметить общую схему истинного пути формирования психологии как науки, остановившись, главным образом, на вопросе о ее философских корнях. При этом, говоря о науке, мы отличаем ее от совокупности сведений,

взглядов или воззрений по вопросам той или иной области знания. Существенным для науки является наличие определенной системы знаний, отражающих специфическую логику ее предмета, и специфических адекватных ее предмету методов исследования, позволяющих перейти от более или менее случайного накопления знаний к плановому, систематическому их добыванию.

Переход от простой совокупности еще не оформившихся в науку знаний к науке является для каждой области знаний, в том числе и для психологии, крупным событием, подлинные источники и движущие силы которого очень важно уяснить себе для того, чтобы правильно понять ее дальнейшие пути и перспективы. При этом нужно учитывать, что *история науки — это история конкретных исследований*, приводящая к последовательному накоплению конкретных знаний и методов исследования, преемственно между собой связанных, и *теоретических концепций*, которые превращают совокупности знаний в систему науки. Лишь в своем единстве, взаимопроникновении и взаимообусловленности история конкретных исследований и теоретических концепций образует подлинную историю науки.

История теоретических концепций, неразрывно связанная со всей конкретной историей науки, в своем мировоззренческом, идеологическом содержании отражает вместе с тем далеко выходящий за пределы истории науки, как таковой, *процесс общественно-исторического развития в целом*, который оказывает определяющее влияние на смену идеологических течений, обусловливая в определенный период, при данном соотношении общественных классовых сил, господство определенных идеологических направлений. Через посредство ее идейно-теоретического содержания – необходимого компонента всякой подлинной науки – история общества со всеми бурями общественной, политической, классовой борьбы отражается в истории самой науки.

Переход от знания к науке, который для ряда областей должен быть отнесен к XVIII веку, а для некоторых (как, например, механика) еще к XVII веку, в психологии совершается лишь в середине XIX столетия. Лишь к этому времени многообразные психологические знания оформляются в самостоятельную науку, вооруженную собственной, специфической для ее предмета методикой исследования и обладающей своей системой, т.е. специфичной для ее предмета логикой построения относящихся к нему знаний.

Однако тот факт, что именно в это время — в начале второй половины XIX столетия — психология оформилась как самостоятельная дисциплина, вовсе не означает, что все предпосылки ее научного бытия относятся именно к этому времени. В действительности методологические предпосылки, определившие характер той психологии, которая оформилась в середине XIX столетия, сложились, как мы увидим, много раньше. Но эти методологические предпосылки сами по себе заключали лишь возможность возникновения научной психологии. Для того чтобы переход психологии от более или менее обоснованных знаний и воззрений к науке действительно осуществился, необходимы были еще соответствующее развитие научных областей, на которые психология должна опираться, и выработка соответствующих методов иссле-

дования. Эти последние предпосылки для оформления психологической науки дали работы физиологов первой половины XIX столетия.

Опираясь на целый ряд важнейших открытий в области физиологии нервной системы (Чарльза Белла, показавшего наличие различных чувствующих и двигательных нервов и установившего основные законы проводимости (1811)[1], Мюллера, Дюбуа-Реймона, Гельмгольца, подвергших измерению проведение возбуждения по нерву), физиологи создали целый ряд капитальных работ, посвященных общим закономерностям чувствительности и специально работе различных органов чувств (работы Иоганесса Мюллера и Эрнста Вебера, работы Юнга, Гельмгольца и Геринга по зрению, Гельмгольца по слуху и т.д.). Посвященные физиологии органов чувств, т.е. различным видам чувствительности, эти работы в силу внутренней необходимости переходили уже в область психофизиологии ощущений. Особенное значение для развития экспериментальной психологии приобрели исследования Вебера, посвященные вопросу об отношении между приростом раздражения и ощущением. Эти исследования были продолжены, обобщены и подвергнуты математической обработке Густавом Фехнером в его «Элементах психофизики» (1859). Этим трудом были заложены основы новой специальной области экспериментального психофизиологического исследования. Результаты всех этих исследований объединил, отчасти дальше развил и систематизировал в психологическом плане в монументальных «Основах физиологической психологии» (1874) Вильгельм Вундт, которого вместе с Фехнером можно считать основоположником экспериментальной психологии. Он собрал и дальше разработал, в целях психологического исследования, методы, выработанные первоначально физиологами.

В 1861 году Вундт изобретает первый элементарный прибор специально для целей экспериментального психологического исследования. В 1879 году он организует в Лейпциге первую в мире лабораторию физиологической психологии. В этой лаборатории зарождается и отсюда по всему миру распространяется экспериментально-психологическое исследование. Первые экспериментальные работы Вундта и многочисленных учеников, которые вскоре стали стекаться к нему не только из Германии, но и из различных стран всего мира, были посвящены психофизиологии ощущений, скорости простых двигательных реакций, выразительным движениям и т.д. Все эти первые работы были, таким образом, сосредоточены на элементарных психофизиологических процессах; они целиком еще относились к тому, что сам Вундт называл *физиологической психологией*. Но вскоре эксперимент, проникновение которого в психологию началось с элементарных процессов, лежащих как бы в пограничной между физиологией и психологией области, стал шаг за шагом внедряться в изучение центральных психологических проблем. Ограничение экспериментального метода областью так называемой «физиологической психологии» утеряло свою правомерность. В конце восьмидесятых годов прошлого столетия лаборатория *физиологической психологии* была реорганизована и переиме-

[1] Тот же Чарльз Белл явился, между прочим, и автором замечательного трактата о выразительных движениях.

нована В. Вундтом в институт экспериментальной психологии. По образцу этого института большей частью учениками Вундта, прошедшими через его институт, стали создаваться лаборатории экспериментальной психологии во всех странах мира. Титченер, опираясь на достижения Вундта и его продолжателей, выступил пионером экспериментальной психологии в США; где она вскоре получила значительное развитие. У нас ряд лабораторий был организован психологами, вышедшими из лаборатории Вундта: в Одессе (Н.Н. Ланге), Петербурге (А.П. Нечаев) и других городах[2].

Экспериментальная работа стала быстро шириться и углубляться. Психология превратилась в самостоятельную, в значительной мере экспериментальную науку, которая все более строгими методами начинает устанавливать новые факты и вскрывать новые закономерности. За несколько десятилетий, прошедших с тех пор, фактический экспериментальный материал, которым располагает психология, значительно возрос; методы, которыми она работает, стали разнообразнее и точнее; облик науки заметно преобразился. Внедрение в психологию эксперимента не только вооружило ее этим новым для нее, очень мощным специальным методом научного исследования, но и вообще по-новому поставило вопрос о методике психологического исследования в целом, выдвинув новые требования и критерии научности всех видов и частных методов опытного исследования в психологии. Именно поэтому введение экспериментального метода в психологию сыграло решающую роль в оформлении психологии как самостоятельной науки.

Наряду с проникновением в психологию экспериментального метода, значительную роль в развитии научной психологии сыграло проникновение в нее принципа эволюции. Он проник в психологию под двойным влиянием: с одной стороны, отчасти философии классического немецкого идеализма (Шеллинга, Гегеля), с другой — главным образом — эволюционной теории Дарвина, который сам в своих классических трудах, посвященных проблеме эволюции, охватывает и развитие психики. Эволюционная теория современной биологии, распространившись на психологию, сыграла в ней двойную роль: во-первых, она ввела в изучение психических явлений новую, очень плодотворную точку зрения, связывающую изучение психики и ее развития не только с физиологическими механизмами, но и с развитием организмов в процессе приспособления к среде. Еще в середине XIX столетия Спенсер строит свою систему психологии, исходя из принципов биологической адаптации. На изучение психических явлений распространяются принципы широкого биологического анализа. Сами психические функции в свете этого биологического подхода к проблемам психологии начинают пониматься как явления приспособления, исходя из той роли или функции, которые они выполняют в жизни организма. Эта биологическая точка зрения на психические явления получает в дальнейшем значительное распространение. Превращаясь в общую концепцию, не ограничивающуюся филогенезом, она вскоре обнаруживает свою ахиллесову пяту, приводя к биологизации человеческой психологии.

[2] Первую в России психологическую лабораторию создал В.М. Бехтерев в 1885 г. (прим. ред.).

Эволюционная теория, распространившаяся на психологию, привела, во-вторых, к развитию генетической психологии — прежде всего зоопсихологии. В конце прошлого столетия, благодаря ряду выдающихся работ (Леба, Ллойд-Моргана, Гобхауза, Дженнингса, Торндайка и др.), зоопсихология, освобожденная от антропоморфизма, вступает на путь объективного научного исследования. Из исследований в области филогенетической сравнительной психологии (зоопсихологии) возникают новые течения общей психологии, например, в первую очередь поведенческая психология. В настоящее время зоопсихология — одна из наиболее интенсивно разрабатываемых областей психологии. Новейшие работы в этой области проливают яркий свет на предшествующие человеку ступени развития психики в филогенезе.

Проникновение в психологию принципа развития не могло не стимулировать и психологических исследований в плане онтогенеза. Во второй половине XIX века начинается интенсивное развитие в этой отрасли генетической психологии — психологии ребенка. В 1877 году Дарвин публикует свой «Биографический очерк одного ребенка» («A biographical sketch of an enfant»). Около того же времени появляются аналогичные работы Тэна, Эггера и др. Вскоре — в 1882 году — за этими научными очерками-дневниками, посвященными наблюдению за детьми, следует продолжающая их в более широком и систематическом плане работа Прейера «Душа ребенка».

Прейер находит множество продолжателей в различных странах. Интерес к детской психологии становится всеобщим и принимает интернациональный характер. Во многих странах создаются специальные исследовательские институты и открываются специальные журналы, посвященные детской психологии. Вскоре начинает появляться ряд работ, посвященных психологии ребенка (Меймана, Клапареда, Декедр, Каца и др.). В 1914 году появляется известный труд Штерна «О психологии раннего детства». За ним следуют работы Карла и Шарлотты Бюлер, Гросса, Коффки, Пиаже и др. Представители каждой сколько-нибудь крупной психологической школы начинают уделять значительное внимание психологии ребенка. В психологии ребенка получают отражение все течения психологической мысли.

Наряду с развитием экспериментальной психологии и расцветом различных отраслей генетической психологии, как знаменательный в истории психологии факт, свидетельствующий о значимости ее научных исследований, необходимо ещё отметить развитие различных специальных областей так называемой прикладной психологии, которые подходят к разрешению различных вопросов практической жизни, опираясь на результаты научного и, в частности, экспериментального исследования. Психология находит себе обширное поле применения в области воспитания и обучения, в медицинской практике, в судебном деле, в области хозяйственной жизни, в военном деле, искусстве и т.д.

Таким образом, в итоге оформление психологии как науки было существенно связано с развитием естествознания, в частности физиологии нервной системы и органов чувств, разработавшей *специальные* предпосылочные для

психологии знания, и подготовившей специфические методы психофизиологического исследования.

Но философские свои принципы оформившаяся в середине XIX столетия психология заимствовала от предшествующего периода. Они сложились много раньше. Не Фехнер и Вундт — эклектики и эпигоны в философии, — а *великие философы XVII-XVIII веков определили ее методологические основы*.

Отмечая значение тех социальных сдвигов, которые совершаются в истории Европы на переломе от XVII века к XVIII, для истории науки, Энгельс характеризует это время как период превращения знания в науку («знание стало наукой, и науки приблизились к своему завершению, т.е. примкнули с одной стороны, к философии, с другой — к практике»[3]). В отношении психологии нельзя полностью сказать того же, что говорит Энгельс в этом контексте о математике, астрономии, физике, химии, геологии. Она в XVIII веке еще не оформилась окончательно в подлинно самостоятельную науку, но и для психологии именно в это время были созданы философские основы, на которых затем в середине XIX столетия было воздвигнуто здание психологической науки. У Декарта параллельно с понятием *рефлекса* впервые выделяется современное понятие сознания; у Локка оно получает эмпирическую интерпретацию (в понятии рефлексии), определяющую его трактовку и в экспериментальной психологии в период ее зарождения и первых этапов развития. Обоснование у английских и французских материалистов связи психологии с физиологией и выяснение роли ощущений создает предпосылки для превращения психофизиологических исследований органов чувств первой половины XIX века в исходную базу психологической науки. Декарт закладывает основы новой физиологической психологии аффектов, отзвуки которой сказываются вплоть до теории эмоций Джемса-Ланге, а Спиноза — основы современного психологического анализа эмоций. В этот же период у английских эмпиристов, у Гартли, Пристли и Юма, под явным влиянием идей ньютоновской механики формулируется основной объяснительный принцип, которым будет оперировать психологическая наука XIX столетия, — принцип ассоциаций. В этот же период у Лейбница в понятии апперцепции (которое затем подхватывает Вундт) намечаются исходные позиции, с которых в недрах психологической науки XIX столетия на первых порах будет вестись борьба против механического принципа ассоциации в защиту идеалистически понимаемой активности.

Конечно, объяснительные принципы и понятия, созданные в философских системах XVII-XVIII веков, не просто в неизменном виде, механически переносятся в психологию. Так, например, понятие апперцепции у Вундта, конечно, имеет свои специфические особенности, идущие как от того конкретного психологического материала, который оно вбирает, так и от специфических функций, которые оно выполняет в борьбе идей внутри психологии XIX столетия, от эклектических философских позиций самого Вундта и т.д., но все же само понятие апперцепции и исходное ядро осевших в нем тенденций и идей идет оттуда — из арсенала лейбницевской философии. В конечном счете,

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, С. 599.

оформившаяся как самостоятельная наука в середине XIX *столетия, психология по своим философским основам была наукой* XVII-XVIII *веков*[4].

Поэтому в корне должна быть отвергнута та очень распространенная точка зрения, которая превращает оформление экспериментальной физиологической психологии у Фехнера и Вундта в кульминационный пункт развития психологии, приближаясь к которому психология все шла вверх и начиная с которого она, переходя в состояние кризиса, стала неуклонно спускаться вниз. Внедрение в психологию экспериментального метода и выделение психологии как особой экспериментальной дисциплины являются, бесспорно, существенным этапом в развитии психологической науки. Но становление новой психологической науки не может быть стянуто в одну точку. Это длительный, еще не законченный процесс, в котором должны быть выделены три вершинные точки: первая должна быть отнесена к тому же XVIII веку или переломному периоду от XVII к XVIII веку, который выделил Энгельс для всей истории науки; вторая — ко времени оформления экспериментальной физиологической психологии в середине XIX столетия; третья — к тому времени, когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией. Первые камни этого нового здания заложил в своих ранних юношеских работах Маркс.

Роль тех ученых, которые, как Фехнер и Вундт, оформили психологию как экспериментальную дисциплину, этим, конечно, не отрицается, она лишь правильно ограничивается. В частности, роль Вундта была, бесспорно, весьма значительна. Наряду с Фехнером он особенно много сделал для того, чтобы ввести в психологию экспериментальный метод, — в этом первая его большая заслуга. При этом как раз Вундт никогда не пытался превратить эксперимент в универсальный метод психологии. Наоборот, он ограничил его применение областью более элементарных психологических функций и подчеркивал, что высшие проявления духовной жизни должны изучаться другими методами, реализовав эту свою принципиальную методическую установку в своей монументальной «Психологии народов». В этом ограничении экспериментального метода и введения метода исторического — вторая существенная заслуга Вундта. Вундт реализует, таким образом, практически в методическом плане связь между изучением психики и изучением ее материального субстрата, с одной стороны, и, с другой, переходит к историческому изучению высших форм сознания.

Однако у Вундта вместе с тем уже определенно намечаются все основные элементы, которые раскрылись затем в кризисе психологии. Само сведение экспериментальной психологии к психологии физиологической и противопоставление ей исторической психологии (психологии народов), отнесение к первой элементарных психофизических функций, а высших духовных про-

[4] В развитии психологии история как бы развела хронологически зарождение двух основных компонентов, которые лишь в сочетании, взаимопроникновении образуют подлинную науку – конкретное исследование, вооруженное адекватной предмету методикой, и методологические, философские принципы, определяющие ее теоретическое, идейно, мировоззренческое содержание. Тем самым здесь с особой очевидностью раскрылось значение для бытия и развития науки каждого из этих компонентов.

явлений ко второй уже заключают в себе в зародыше то разложение психологии на ряд «психологий», которое получило особенно заостренное выражение у Шпрангера, противопоставившего — «психологию духа», как подлинную психологию, физиологической психологии, как собственно физиологической дисциплине. Этот распад единой психологии на ряд психологий, особенно показательный для кризиса, начинается уже у Вундта.

Самый эксперимент, посредством которого у Вундта строится психология, представляет собой, собственно, экспериментальное изучение физиологических реакций, сочетающееся с самонаблюденнем сопровождающих их субъективных состояний. Этот эксперимент, таким образом, исходит из психофизического параллелизма, сам, по существу, строится на чисто внешнем соотношении психического как чисто субъективного и физического. Через него, таким образом, в психологию вводился дуализм, который был одним из основных теоретических корней кризиса, поскольку он подрывал в самой основе возможность объективного научного познания сознания. Далее, уже внутри вундтовской системы происходит борьба между исходными позициями психологии элементов, которые определяют архитектонику его системы, и целостными тенденциями (выражающимися в понятии «творческого синтеза», «слияния» и т. п.). Таким образом, можно с полным основанием сказать, что *оформление психологии как самостоятельной экспериментальной дисциплины совершалось в условиях уже назревавшего кризиса ее методологических основ*.

Физиологическая, экспериментальная психология, оформившаяся как наука, по своим основным наиболее прогрессивным методологическим принципам и философским традициям была, как мы видели, к моменту своего оформления еще наукой XVIII века, о котором Энгельс писал, что он противопоставил одной односторонности противоположную (субъективности — объективность, духу — природу, спиритуализму — материализм, абстрактно-единичному — всеобщее), не разрешив их противоречия, но сделав необходимым его разрешение тем, что он противопоставил обе стороны противоречия во всей их резкости и полноте[5].

Эти непосредственные противоположности и неразрешенные противоречия раскрываются вновь внутри психологии. Они-то и составляют внутреннее содержание кризиса психологии, обусловленного в своем возникновении общественными условиями того исторического периода, в который он совершается. В общефилософском плане в истории самой философии эти противоположности были опосредованы классической немецкой философией первой полови-

[5] «Борьба против абстрактной субъективности христианства привела философию восемнадцатого века к противоположной односторонности; субъективности была противопоставлена объективность, духу — природа, спиритуализму — материализм, абстрактно-единичному — абстрактно-всеобщее, субстанция. Восемнадцатый век... не разрешил великой противоположности, издавна занимавшей историю и заполнявшей ее своим развитием, а именно: противоположности субстанции и субъекта, природы и духа, необходимости и свободы; но он противопоставил друг другу обе стороны противоположности во всей их остроте и полноте развития и тем самым сделал необходимым уничтожение этой противоположности. Следствием этого ясного, крайнего развития противоположности была всеобщая революция, которая осуществлялась по частям различными национальностями...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, С. 599-600).

ны XIX столетия (особенно в ее завершающем звене — в философии Гегеля), определившей в философском плане начало самой науки[6].

На развитие психологии в XIX веке немецкая идеалистическая философия сколько-нибудь значительного непосредственного влияния сначала не оказала. Это влияние должно было сказаться лишь позже и притом косвенно, через посредство «законного преемника» немецкой философии — через учение Маркса.

Из представителей классического немецкого идеализма начала XIX столетия часто отмечалось влияние Канта. Под влиянием Канта закрепилось в психологии и стало затем традиционным (идущее, по-видимому, от Тетенса) трехчленное деление психики на ум, чувство и волю.

Ополчаясь против «метафизической» психологии, Кант громит с позиций «трансцендентального идеализма» «традиционную рациональную психологию» и, поддаваясь влиянию, в общем, бесплодной немецкой психологии способностей (главного представителя которой, Тетенса, он очень ценит), относится крайне скептически к возможности психологии как науки. Влияние его субъективного идеализма отчетливо сказывается на первых исследованиях психофизиологии органов чувств в трактовке ощущений (Иоганнес Мюллер, Гельмгольц), однако психофизиология развивается как наука не благодаря этим кантианским идеям, а вопреки им.

Наибольшее внимание проблемам психологии из философов начала XIX столетия, периода, непосредственно предшествовавшего оформлению психологии как науки, уделяет стоящий особняком от основной линии классической философии немецкого идеализма, объявляющий себя реалистом *Гербарт*. Главным образом в интересах педагогики, которую он стремится обосновать как науку на основе психологии, Гербарт хочет превратить психологию в «механику представлений». Он подвергает жестокой критике малоплодотворную психологию способностей, вводит в обиход психологической мысли ряд понятий (как, например, апперцепцию), которые завоевали себе известное признание, разрабатывает ряд педагогически значимых психологических проблем (как, например, проблему интереса) и пытается ввести в психологию метод математического анализа. Эта попытка превратить психологию, как «механику представлений», в дисциплину, оперирующую, наподобие ньютоновской механики, математическим методом, у Гербарта не увенчалась и не могла увенчаться успехом, так как математический анализ у него применялся к малообоснованным умозрительным построениям. Для того чтобы применение

[6] Развитие новой науки XIX века Ленин связывает с бурными революциями, которыми сопровождалось падение феодализма, крепостничества везде в Европе и особенно во Франции. Французская буржуазная революция конца XVIII века, по словам Ленина, «не даром называется великой. Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком Французской революции» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т, 38, стр. 367). Она подняла волну общественного движения во всей Европе и вызвала новый подъем философской мысли. В философском плане такой революцией была немецкая классическая философия начала XIX века, которую Ленин причислял к лучшему, что создавало человечество в XIX веке, и в которой он видел один из трех источников марксизма, наряду с английской политической экономией и Французским социализмом.

математического анализа получило в психологии почву и приобрело подлинно научный смысл, необходимы были конкретные исследования, которые вскоре начались в плане психофизики и психофизиологии.

Некоторое влияние на развитие психологии (в частности, в России) оказал *Шеллинг*. Однако это влияние не было ни сколько-нибудь значительным, ни действительно плодотворным, тем более что на психологию влияние оказали главным образом более поздние реакционные тенденции шеллингианства.

Гегель выдвинул ряд весьма существенных и плодотворных для психологии мыслей, но и до сих пор еще надлежащим образом не оцененных. К числу их, помимо общего его диалектического метода, надо в первую очередь отнести сделанную в «Феноменологии духа» грандиозную попытку раскрыть закономерности развития сознания в диалектике его содержания и показать (в третьей части «*Энциклопедии*», посвященной «*Философии духа*») диалектический *переход от души к сознанию и от сознания к духу*. Но идеи Гегеля не оказали сколько-нибудь значительно непосредственного влияния на развитие психологии, в какой-либо мере сравнимого с тем, которое они оказали на формирование общественно-исторических наук.

В 1844-1845 гг., когда складываются взгляды Маркса. Им не только закладываются основы общей научной методологии и целостного мировоззрения, но и специально намечаются новые основы для построения психологии, которая была бы «действительно содержательной и реальной наукой»[7].

В этюдах и экскурсах, служивших подготовительными работами для «Святого семейства» (1845), имеющих самое непосредственное отношение к психологии и особенное для нее значение, в «Немецкой идеологии» (1846—1847), посвященной анализу и критике послегегелевской и фейербахианской философии, Маркс и Энгельс формулируют ряд положений, которые закладывают новые основы для психологии. В 1859 году, т.е. одновременно с «Элементами психофизики» Фехнера, от которых обычно ведут начало психологии как экспериментальной науки, выходит в свет работа Маркса «К критике политической экономии», в предисловии к которой он с классической четкостью формулирует основные положения своего мировоззрения, в том числе свое учение о взаимоотношении сознания и бытия. Однако ученые, которые в середине XIX века вводят экспериментальный метод в психологию и оформляют ее как самостоятельную экспериментальную дисциплину, проходят мимо этих идей нарождавшегося тогда нового философского мировоззрения; психологическая наука, которую они строят, идя *после* Маркса путями, *отличными* от тех, которые он прокладывал, тем самым неизбежно стала развиваться в *противоречии* с основами новой научной методологии. То, что в этот период сделано было основоположниками марксизма для обоснования новой, подлинной научной психологии, однако, лишь временно обрывается, с тем чтобы получить дальнейшее развитие почти через столетие в советской психологии.

Борьба против методологических принципов, на которых было первоначально воздвигнуто здание экспериментальной психологии, начинается

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, С. 595.

уже на рубеже XX столетия. Она идет по многим линиям, и повсюду в этой борьбе продолжается противопоставление одной противоположности другой. Господствующему первоначально в физиологической психологии *сенсуализму* различных толков противопоставляется *рационализм* (психология «чистого мышления» Вюрцбургской школы) — *Декарт* против *Локка*; механистическому атомизму в психологии — «ассоцианизму» — целостность различных видов (целостная психология Берлинской школы, Лейпцигской и т. д.) и принцип активности (‹апперцепция», «творческий синтез» у Вундта) — *Лейбниц* против *Декарта*. *Натурализму* физиологическому (в психофизиологии) или биологическому (Дарвин, Спенсер) противопоставляются различные формы *спиритуалистической* «психологии духа» и идеалистической «социальной психологии» (Французская социологическая школа в психологии). Далее поднимаются новые противоречия: *интеллектуализму* — сенсуалистическому и рационалистическому — начинают противопоставляться различные формы *иррационализма*; разуму, который обожествляла Французская революция XVIII века, — темные глубинные влечения, инстинкты. Наконец, с разных сторон начинается борьба против лучших прогрессивных моментов картезианского понятия сознания с его *ясным и отчётливым* знанием. Против него, с одной стороны, выдвигается диффузное чувствоподобное переживание психологии Лейпцигской школы (*Бёме* и *немецкие мистики* против *Декарта*); против него, с другой стороны, выступают различные разновидности психологии бессознательного (психоанализ Фрейда и т.д.); против него, наконец, доводя кризис до крайних пределов, выступает поведенческая психология, которая отвергает не только специфическое понятие сознания, но и психику в целом: человек-машина Ламетри пытается преодолеть все противоречия человеческого духа, вовсе упразднив его — *рефлекс* против *сознания* (*Декарт* против *Декарта*).

Анализ кризиса психологии обнаруживает с полной очевидностью особую роль, которую сыграл в истории психологии Декарт. От Декарта ведут свое начало важнейшие тенденции, раскрывающиеся в дальнейшем развитии психологии. Декарт вводит одновременно два понятия: понятие *рефлекса*, с одной стороны, современное интроспективное понятие *сознания,* с другой. Каждое из этих понятий отражает одну из тенденций, которые, сочетаясь в системе Декарта, затем вступают в антагонизм.

Один из основоположников механистического естествознания, объясняющий всю природу движением протяженных тел под воздействием внешнего механистического толчка, Декарт стремится распространить этот же механистический идеал на объяснение жизни организма. В этих целях он вводит в науку понятие рефлекса, которому суждено было сыграть такую большую роль в современной физиологии нервной деятельности. Исходя из этих же тенденций подходит Декарт к изучению аффектов—явлений, которые он считает непосредственно связанными с телесными воздействиями. Так же как затем Спиноза, который с иных философских позиций тоже подошел к этой излюбленной философско-психологической проблеме XVII века, посвятив ей значительную часть своей «Этики», Декарт стремится подойти к изучению стра-

стей, отбрасывая религиозно-моральные представления и предрассудки, так, как подходят к изучению материальных природных явлений или геометрических тел. Этим Декарт закладывает основы механистического натуралистического направления в психологии.

Механистическая натуралистическая трактовка поведения и элементарных психофизических процессов сочетается у Декарта с идеалистической, спиритуалистической трактовкой высших проявлений духовной жизни. Декарт резко противопоставляет в заостренном дуализме душу и тело. Он признает существование двух различных субстанций: материя — субстанция протяжённая (и не мыслящая) и душа — субстанция мыслящая (и не протяженная). Они определяются разнородными атрибутами и противостоят друг другу так, как друг от друга независимые субстанции. Вместе с тем мышление превращается в основание бытия: *cogito ergo sum* — я мыслю, *следовательно*, я существую.

Самое понятие духовного получает у Декарта новое содержание. Оно коренным образом отличается от понятия «души» («псюхэ») у Аристотеля. Из общего принципа жизни, каким оно было у Аристотеля, душа, дух превращается в специальный принцип сознания. В душе совершается раздвоение жизни, переживания и познания, мысли, сознания. Декарт не употребляет термина «сознание», он говорит о духе (mens), но определяет его, как «все то, что происходит в нас так, что мы сами непосредственно это в себе воспринимаем («Принципы», ч. I, §9)[8]. Другими словами, Декарт вводит принцип интроспекции, самоотражения сознания в себе самом. Он закладывает, таким образом, основы интроспективного понятия сознания как замкнутого в себе внутреннего мира, которое отражает не внешнее бытие, а лишь самого себя.

Выделив понятие сознания из более широкого понятия психического, Декарт совершил этим дело первостепенного значения для истории философской и психологической мысли. Вместе с тем, ограничив сознание сферой интроспекции, Декарт с самого начала придал этому понятию содержание, которое сделало его узловым пунктом философского кризиса психологии в XX веке.

Борьба, начинаясь на рубеже XX столетия, тянется в зарубежной психологии по сегодняшний день. Но в разные периоды разные мотивы оказываются господствующими. Здесь приходится различать прежде всего период до 1918 года (до окончания первой империалистической войны и победы Великой социалистической революции в России) и последующий период. Во второй из этих периодов психология вступает в полосу открытого кризиса; в первый он подготовляется. Уже и в первый из этих периодов начинают складываться многие из направлений, которые станут господствующими в последующий период (и иррационалистический интуитивизм Бергсона, и психоанализ Фрейда, и психология духа Дильтея и т. д.), но характерными для этого периода являются главным образом направления, ведущие борьбу против сенсуализма и отчасти механистического атомизма ассоциативной психологии, которая является на первых порах господствующим направлением психологии (Спенсер, Бэн в Англии, Эббингауз, Мюллер, Циген — в Германии, Тен, Рибо — во Франции,

[8] Декарт Р. Избранные произведения, Начала философии, ч. 1, § 9, 1950, С. 429.

Троицкий — в России). В этот период господствуют еще тенденции рационалистического идеализма. В последующий период, в послевоенные годы, которые становятся и для психологии годами острого кризиса, господствующими все в большей мере, становятся иррационалистические, мистические, витали-стические и тому подобные тенденции.

Вся эта борьба в своих основных тенденциях является идеологической борьбой, но опорные точки для тех конкретных форм, которые она принимает в практике психологического исследования, дают противоречия между конкретным фактическим материалом, вскрывающим поступательный ход научного психологического исследования, и теми методологическими основаниями, из которых исходила психология.

Начало антисенсуалистического направления намечается еще у Брентано и его продолжателей. Это антисенсуалистическое направление находит себе, далее, выражение у Штумпфа («Явление и функции», 1907). Аналогичную тенденцию проводит Бине в своих работах, посвященных психологии мышления и других. Особое влияние на общий ход развития психологической мысли борьба против сенсуалистического принципа приобретает тогда, когда под непосредственным влиянием идеалистической философии, Гуссерля, воскрешающего платоновский идеализм и «реализм» схоластической философии, начинает в 1900-х годах складываться Вюрцбургская школа (Кюльпе, Мессер, Бюлер, Ах, Зельц и др.). Исследование мышления не вмещалось в рамки сенсуалистической психофизиологии, и потому, когда психология подошла к его изучению, фактический материал исследования по необходимости заставил разорвать эти рамки.

Обусловленное общественно-историческими условиями, господство идеалистических, рационалистических тенденций в идеологии, в философии этого времени (Гуссерль, рационалистическое крыло неокантианства, неогегельянство в Англии ит. п.) привлекло особое внимание ряда иногда не связанных между собой исследователей (вюрцбуржцы, Бине и др.) к проблеме мышления. Изучение мышления дало конкретные опорные точки для воплощения этих общих мировоззренческих тенденций в собственно психологическую теорию; факты психологического исследования обусловили конкретные формы, которые приняли эти общие тенденции в психологической теории, так же как в свою очередь и общие мировоззренческие тенденции определили интерпретацию этих фактов.

Вслед за борьбой против сенсуалистического принципа начинается борьба против механистически-атомистического принципа ассоциативной психологии, против «психологии элементов» и её тенденции, навеянной идеалами механистического естествознания, разлагать все сложные образования сознания на элементы и рассматривать их как результат сцепления этих элементов.

Еще Вундт пытается учесть качественное своеобразие целого, по отношению к элементам, вводя понятие апперцепции и творческого синтеза, противопоставляемого им простой внешней ассоциации. К этому нововведению вынуждают Вундта экспериментальные факты. Так, уже первые психологиче-

ские работы по слуховым ощущениям, именно исследования Штумпфа (1890), показали, что тоны, сливаясь, а не внешне лишь ассоциируясь, образуют многообразные целостные структуры. Выступающие как новые специфические качества, не сводимые к качеству входящих в них элементов. Эренфельс (1890) показал это на зрительных восприятиях и впервые ввел для обозначения этого специфического нового качества целого термин Gestaltqualitat. Последующие исследования, на основе которых затем оформлялась гештальтпсихология как особое течение, начиная с исследования Вертгеймера о восприятии движения (1912), а также исследования Келера и Крюгера — основателя Лейпцигской школы целостной психологии — о восприятии музыкальных тонов и ряд других исследований вскрыли обширный фактический материал, который не вмещался в рамки психологии элементов и принуждал выйти за ее пределы.

Сначала этот выход за пределы механистической психологии элементов совершается по преимуществу путем противопоставления механизму ассоциаций различных форм «творческого синтеза» как проявлений духовной активности (Вундт), переходных состояний сознания (Джемс) и т. п. В последующий, послевоенный период кризиса аналогичные антиатомистические тенденции, опираясь на экспериментальные факты того же порядка, воплощаются уже в существенно иных позициях структурного формализма (гештальтпсихология) и иррационалистической комплексности (Лейпцигская школа), отражающих в соответствующем преломлении различные методологические тенденции своего времени. Так, с одной стороны, конкретные факты исследования давали опорные точки для антиатомистических теорий, обусловливали их переход в собственно психологические концепции; с другой, борьба и смена общих мировоззренческих тенденций, обусловливая борьбу и смену различных интерпретаций одних и тех же фактов, этим в свою очередь обусловливала различные психологические теории.

Даже внутри теорий, объединенных общим принципом целостности, реализуются различные, а порой и противоположные идеологические тенденции: для одних — для гештальтистов — целостность означает структурность, четкость формы, для других — представителей Лейпцигской школы, — напротив, диффузную комплексность; для одних это прежде всего физическая система, для других — отличительная особенность чувствоподобного переживания; в одном случае — в гештальттеории — принцип целостности является проводником физикализма, значит, натурализма; в другом — в Лейпцигской психологии развития — иррационалистических, мистических тенденций, идущих от романтиков и далее — немецких мистиков. В результате и самая психологическая теория заполняется иным содержанием.

Борьба против ассоциаций как основного объяснительного принципа экспериментальной психологии находит себе выражение и в другой очень симптоматической тенденции — тенденции вовсе отказаться от объяснения более сложных осмысленных «духовных» психических явлений и ограничиться описанием тех форм, в которых эти духовные явления даны («Описательная психология» Дильтея, полемика Дильтея и Эббингауза).

На конкретном материале фактически обнаружившаяся несостоятельность одного определенного типа объяснения, заключающегося в сведении сложных образований к механическому соотношению частей, подхватывается и под влиянием одних мировоззренческих тенденций, порождаемых общей атмосферой эпохи, интерпретируется как невозможность вообще какого бы то ни было объяснения психологических фактов.

Но и эти тенденции (наметившиеся еще у Вундта, противопоставляющего физиологической психологии историческую психологию народов, изучающую высшие духовные образования — речь, мышление и т. д.) выступают на передний план уже в последующие, послевоенные годы — в период кризиса, когда общественная атмосфера послевоенной Европы глубоко колеблет всякое доверие к человеческому разуму и на земле, опустошенной разрушениями войны, возрастают чахлые всходы иррационализма и агностицизма.

В годы, следующие за окончанием империалистической войны, кризис принимает острые формы. Так же как кризис в физике, о котором писал Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», в математике и т.д. это кризис методологический, связанный с идеологической борьбой за методологические основы науки. Рушатся методологические основы, на которых было первоначально воздвигнуто здание экспериментальной психологии, все большее распространение получает в психологии отказ не только от эксперимента, но и вообще от задач научного объяснения («понимающая психология» Шпрангера); психологию захлестывает волна витализма, мистицизма, иррационализма. Идущий из глубин организма инстинкт (Бергсон), «горме» (у Мак-Дауголла) вытесняет интеллект. Центр тяжести переносится от высших, исторически сложившихся форм сознания к доисторическим, примитивным, «глубинным» ее основам, от сознания к бессознательному, инстинктивному. Сознание низводится на роль маскировочного механизма, лишенного реального влияния на поведение, управляемое бессознательным (Фрейд).

Наиболее яркое воплощение эти тенденции получают в психоанализе Фрейда. Здесь, опять-таки в теснейшем единстве и взаимопроникновении, представлены, с одной стороны, общие идеологические тенденции, обусловленные общественными условиями этого периода, с другой, вскрытый исследованием и медицинской практикой конкретный фактический материал клиники.

Вскрывая роль аффективных влечений в поведении человека, клинический материал ломал рамки традиционной, насквозь интеллектуалистической психологии и давал опорные точки для антиинтеллектуалистических тенденций, отражавших «дух» времени. В свою очередь, эти общие тенденции, вобрав в себя этот конкретный материал и преломившись в нем, вылились в те конкретные формы, которые характеризуют психоанализ как определенную психологическую систему.

Кризис декартовской концепции сознания выражается у ряда влиятельных исследователей в стремлении реставрировать Аристотеля. Его концепция используется для того, чтобы подвести философскую основу под виталистические и одновременно биологизаторские тенденции, стремящиеся, вопреки декартовскому выделению сознания из переживания, знания из жизни, не только

включить психическое в органическую жизнь, но и растворить его в ней (Блейлер, Кречмер, Дриш и др.).

Наряду с этим механицизм принимает крайние формы, приходя к полному отрицанию психики и сознания человека; человеческая деятельность сводится к совокупности неосознанных рефлекторных реакций (поведенческая психология). В психологии народов и в учении о личности, в характерологии господствующими в зарубежной буржуазной психологии становятся реакционные расовые фаталистические теории (Кречмер, Иенш); в психологии ребенка широко распространяется педология, в педагогической и вообще прикладной психологии — тестология. За ее антинаучными методами все более обнаженно выступают ее классовые позиции.

Кризис психологии выявился в наибольшей своей остроте, когда сформировалась поведенческая психология — рефлексология в России и бихевиоризм в Америке, — потому что поведенческая психология, выдвинув поведение как предмет психологии, с особенной остротой выявила кризис центрального понятия всей современной психологии — интроспективного понятия сознания.

Подлинная причина в корне несостоятельной позиции бихевиоризма заключается, как нами уже показано[9], в том, что бихевиоризм в своей борьбе против психологии сознания исходил из той концепции сознания, которая была создана субъективно-идеалистической психологией. Вся аргументация представителей поведенческой психологии, обосновывающая необходимость выключения психики из психологии, сводилась в основном к тому, что психические явления, или явления сознания, принципиально доступны только одному наблюдателю; они «не поддаются объективной проверке и потому никогда не смогут стать предметом научного исследования» (Уотсон). Эта аргументация против сознания опиралась, таким образом, в конечном счете на интроспективное понимание сознания. Вместо того чтобы в целях реализации объективизма научного познания в психологии перестроить интроспективное понимание психики, поведенческая психология отбросила психику, потому что-то понимание психики, которое она нашла в готовом виде у своих противников, она приняла как нечто непреложное, как нечто, что можно либо взять, либо отвергнуть, но не изменить. Исходя именно из этого, понимания сознания, поведенческая психология, показательно осуществляя единство идеализма и механицизма, пришла к своему пониманию деятельности как поведения. Изучение деятельности человека в отрыве от сознания означает не только выпадение сознания из области психологического исследования, но и ложное, механистическое понимание самой деятельности.

Поведенческая психология, и в частности американский бихевиоризм, доводит до крайних пределов те механистические тенденции в трактовке человеческого поведения, которые, зарождаясь еще у Декарта, с одной стороны, и в английском материализме (Гоббс), с другой, получают яркое выражение в представлении о «человеке-машине» у Ламетри и затем находят себе отраже-

[9] См, наши «Основы, психологии» (М., 1935) и нашу статью «Необихевиоризм Тольмана» в Ученых записках Ленинградского государственного педагогического института им, А. И. Герцена, т. ХУПТ. Кафедра психологии (Л., 1939).

ние в том варианте учения о психофизическом параллелизме, которое Джемс назвал теорией автоматизма: превращая психику, сознание человека в бездейственный эпифеномен, это учение тем самым трактует все поведение человека как механическое сцепление реакций[10].

Находясь в преемственной связи со всем этим течением, бихевиоризм воплощает исходные механистические установки, заложенные в механистическом материализме больших философских систем XVII века, в специфических формах. Конкретные формы, которые механистический материализм получает в бихевиористической психологии, обусловлены, с одной стороны, тем конкретным материалом (изучение поведения животных, выработка у них навыков, исследования Гобхауза, Ллойд-Моргана и особенно Торндайка), на котором бихевиоризм как психологическое учение фактически вырастает, с другой, тем специфическим идеологическим содержанием, которое эти механистические тенденции приобретают, становясь проводниками определенных классовых интересов, при превращении рабочего в механизированной промышленности в придаток к машине.

Теоретически решающим для понимания кризиса психологии, раскрывшегося в борьбе поведенческой психологии против психологии сознания, является то, что, в конечном счете, поведенческая психология и интроспективная психология исходят из одного и того же понимания психики, сознания. Идеалистическая психология признала реальные психические процессы лишь субъективными содержаниями самонаблюдения, а бихевиористы и рефлексологи некритически полностью приняли идеалистическую концепцию своих противников. Только в силу этого они не могли найти никакого иного пути для реализации объективной научности психологического познания, как отказ от познания психики. Интроспекционисты, замыкая психику во внутреннем мире сознания, оторвали психику от деятельности; бихевиористы приняли как непреложную истину этот отрыв друг от друга — сознания и деятельности, внутреннего и внешнего. Только на этой основе можно было определить свою задачу так, как это сделали представители поведенческой психологии: вместо изучения сознания, оторванного от поведения, поставить себе задачей изучение поведения, оторванного от сознания.

Таким образом, можно сказать, что и этот стержневой аспект кризиса был заложен в исходных позициях психологии сознания, сохранивших свое господство в экспериментальной психологии. Это был кризис декарто-локковской интроспективной концепции сознания, которая в течение столетий довлела над психологией. Сведя психику к сознанию, а сознание к самосознанию, к отражению (рефлексии) психики в себе самой, эта ставшая традиционной для всей психологии декарто-локковская (в своих истоках отчасти авгус-

[10] Согласно теории автоматизма, пишет Джемс, если бы мы знали в совершенстве нервную систему Шекспира и абсолютно все условия окружавшей его среды, то мы могли бы показать, почему в известный период его жизни его рука исчертила какими-то неразборчивыми мелкими черными значками известное число листов, которые мы дая краткости называем рукописью «Гамлета». Мы могли бы объяснить причину каждой помарки и переделки: мы все это поняли бы, не предполагая притом в голове Шекспира решительно никакого сознания.

тиновская) концепция сознания отъединила сознание человека от внешнего мира и от собственной его внешней предметной, практической деятельности. В результате деятельность человека оказалась отъединенной от сознания, противопоставленной ему и потому сведенной к рефлексам и реакциям. Сведенная к реакциям, деятельность человека становится поведением, т. е. каким- то способом реагирования; она вообще перестает быть деятельностью, поскольку деятельность немыслима вне ее отношения к предмету, к продукту этой деятельности. Поведение — это реактивность отъединенного от мира существа, которое, реагируя под влиянием стимулов среды, само своей деятельностью не воздействует на действительность и не изменяет её. Это жизнедеятельность животного, приспосабливающегося к среде, а не трудовая деятельность человека, своими продуктами преобразующего природу. Отрыв сознания от предметной практической деятельности разорвал реальную, действенную связь человека с миром, выключил сознание из процесса воздействия человека на мир и закрыл, таким образом, доступ к пониманию реального генезиса и развития сознания в его предметно-смысловом содержании. В результате предметно-смысловое содержание сознания предстало в мистифицированной форме «духа», отчужденного от человека — от его сознания и деятельности.

Поэтому можно сказать, что, так же как поведенческая психология является не чем иным, как оборотной стороной интроспективной концепции сознания, «психология духа» (Шпрангер), в которой «дух», т.е. предметно-смысловое содержание сознания, выступает в мистифицированной форме данности, независимой от человеческой деятельности, является оборотной стороной поведенческой концепции деятельности. Когда деятельность, преобразующая природу и порождающая культуру, сводится к совокупности реакций, лишается своего воздейственного, предметного характера, предметно-смысловое содержание «духа» неизбежно предстает в виде идеальной данности.

Лишь полное непонимание их реального соотношения, которое за внешней противоположностью конечных выводов не видит общности исходных позиций, может привести к той мысли, в которой Бюлер ищет выхода из кризиса психологии (Buhler, 1929) будто для разрешения кризиса нужно примирить, дополнив одну другой, психологию поведения и психологию духа. Их «синтез» лишь соединил бы пороки одной с пороками другой. В действительности они и так связаны между собой, и нужно не сохранять как одну, так и другую, объединив их, а обе заодно преодолеть в их общей основе. Эта общая основа заключается, в конечном счете, в отрыве сознания от практической деятельности, в которой преобразуется предметный мир и формируется само сознание в его предметно-смысловом содержании; именно отсюда проистекает, с одной стороны, отчуждение этого содержания как «духа» от материального бытия человека, с другой, превращение деятельности в поведение, понимаемое как способ реагирования. Здесь в одном общем узле сходятся нити, связующие психологию сознания и психологию поведения, психологию поведения и психологию духа; у направлений, представляющихся самыми крайними антиподами, здесь обнаруживается общая основа. Здесь средоточие кризиса, и именно отсюда должно начаться его теоретическое преодоление.

Литература

Декарт Р. Избранные произведения. Начала философии, ч. 1, § 9. – С. 429.
Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 38 – С. 367.
Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 1, – С. 599.
Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. – С. 595.
Рубинштейн С. Л. Основы психологии. М., 1935.
Рубинштейн С. Л. «Необихевиоризм Тольмана». К вопросу о стадиях наблюдения. Ученые записки пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. XVIII, 1939.
Buhler K. Die Krise der Psychologie, 1929.

References

Descartes R. Selected Works, Principles of Philosophy, Part 1, V. 9. – P. 429.
Lenin V. I. Complete Works, V. 38, – P. 367
Marx K. and Engels F. Works, V. 1, – P. 599
Marx K. and Engels F. From Early Works, – P. 595
Rubinstein S. L. Fundamentals of Psychology. Moscow, 1935
Rubinstein S. L. «Tolman's Neobehaviorism». On the Stages of Observation. Scientific Notes of the Pedagogical Institute named after A.I. Herzen, Vol. XVIII, 1939.
Buhler K. Die Krise der Psychologie, 1929.

Информация об авторе

Рубинштейн Сергей Леони́дович (18.06.1889–11.01.1960), российский (советский) психолог и философ, член-корреспондент АН СССР (1943), действительный член (академик) АПН РСФСР (1945).

Information about the author

Rubinstein Sergey Leonidovich (18.06.1889–11.01.1960), Russian (Soviet) psychologist and philosopher, corresponding member of the USSR Academy of Sciences (1943), full member (academician) of the APN of the RSFSR (1945).

Представленная статья является переизданием статьи С.Л. Рубинштейна 1940 года. Материал подготовлен к печати К.А. Абульхановой и В.А. Барабанщиковым.